

УДК 81'33

С.А. Рыбалко, Иркутск

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Аннотация. Рассматриваются особенности официально-делового стиля национального русского языка в диахроническом аспекте. Предлагается осмысление роли данного функционального стиля как фиксатора, с одной стороны, введения новых культурных концептов, с другой стороны, «ухода старых», уже неактуальных концептов, и смену одних концептов другими, что отражает социальные, политические и культурные изменения в обществе. Показываются преимущества изучения текстов официально-делового стиля в рамках изучения концептосферы этноса.

Ключевые слова: концепт, культура, функциональные стили языка, официально-деловой стиль.

S.A. Rybalko, Irkutsk

Abstract. The article studies the features of the official writing style of the national Russian language in the diachronic aspect. The author suggest that the official style could be considered as a reflection of, on the one hand, the introduction of new cultural concepts, on the other hand, the "abandonment of old", already irrelevant concepts, and the replacement of some concepts, which reflect certain social, political and cultural changes in society. The article points at some of the advantages of studying the texts of the official writing style in the framework of the study of the conceptual sphere of the ethnos.

Key words: concept, culture, functional styles of the language, official writing style.

Концепты – это строительный материал, которые используется нами для организации и упорядочивания человеческого опыта, для хранения знаний, для создания предметов второй природы, другими словами, для создания культуры. Проблемам категоризации и концептуализации опыта человека в его языке посвящено немало работ (см., например, [1]), в том числе работы, выполненные в русле концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности [2], в которых под систематикой понимается не столько систематизация фактов, но в первую очередь выявление когнитивного системообразующего механизма, позволяющего исследователю построить систему изучаемого языкового / речевого явления [3].

В основе концептуализации и категоризации опыта лежат мыслительные операции, связанные с понятием концепта. А.К. Тентимишова определяет концепт как «культурный феномен хранения, разработки и накопления информации» [4]. Язык как «оперативная единица картины мира» [5] помогает нам вскрыть основные особенности культуры разных народов, понять то, как определенная культура организует свой мир. Многие исследователи отмечают, что по сравнению с другими элементами культуры, такими как отношения и ценности, язык очень пластичен и быстрее всего реагирует на изменения, происходящие в культуре общества и социуме в целом [6]. Именно в языке в первую очередь отражаются все изменения, культурные, социальные, и политические. Подчас бывают такие ситуации, когда общество все еще живет «старыми» устоявшимися ценностями, а исторические реалии уже кардинально изменились – и именно язык должен быстро среагировать и помочь представителям общества сориентироваться в новой ситуации, назвать то, что происходит, создать новые слова для обозначения иногда совершенно чуждых реалий.

Введение новых концептов, которые входят в язык через образование новых слов или заимствования, не сводится к простому усвоению значения слова, а «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом» [7]. Исходя из данной трактовки концепта, можно предположить, что одним из условий принятия концепта является то, насколько его значение будет созвучно личному и народному опыту принимающего этноса. Не всегда новое слово, как отражение нового культурного концепта, станет неотъемлемой частью принимающей культуры. Различия в ценностных и социальных ориентирах может вызвать последующее отторжение и как следствие незакрепление нового концепта (слова) в языке и культуре народа.

Тексты официально-делового стиля, созданные в разные исторические эпохи, дают нам возможность изучать культурные концепты, закрепленные в них. В качестве предмета изучения выступают те факты действительности, которые отражают социальные и политические процессы, происходящие в обществе. Таким образом, мы получаем дополнительную информацию об особенностях культуры и мирознания народа в тот или иной исторический этап его развития.

Рассмотрим особенности официально-делового стиля национального русского языка в диахроническом аспекте. По нашему мнению, именно официально-деловой стиль, по сравнению с остальными стилями, быстрее всего должен отразить социальные, политические и в какой-то мере культурные изменения, происходящие в обществе. Это обусловлено тем, что именно этот функциональный стиль используется в сфере административно-государственной жизни общества и призван организовывать изменяющиеся общественные отношения. В текстах официально-делового стиля можно обнаружить и зафиксировать, с одной стороны, введение новых культурных концептов, с другой стороны, «уход старых», уже неактуальных концептов, и смену одних концептов другими – все эти процессы отражают те или иные социальные, политические и культурные изменения в обществе.

До сих пор не существует одной общепризнанной системы периодизации развития официально-делового стиля. Тем не менее многие ученые сходятся на выделении следующих периодов: период первых официальных документов Древней Руси (X–XIV века); период приказного делопроизводства (XV–XVII века); период коллежского делопроизводства (XVIII век); период министерского делопроизводства (XIX век); период советского делопроизводства (начало XX века 80–90-е годы XX века), и период делопроизводства эпохи информационных технологий (конец XX – начало XXI века).

В период Древней Руси в языке закладывались традиции русской системы делопроизводства, обработки и хранения документов. Язык документов той эпохи, это прежде всего княжеские грамоты различного характера, отражали культурную ткань общества, властные отношения – элементы субординации, царившие в обществе. Например, такой элементарный компонент делового письма, челобитной, как подпись, может сказать очень многое о жесткой социальной иерархии в Древней Руси. Служилые люди должны были подписываться "холопами", посадские люди и крестьяне подписывались "сиротами" – как можно увидеть из семантики данных слов, которые должны были использоваться в челобитных, простые люди занимали явно низкую ступень в социальной иерархии государства. Слова имели уничижительный характер, призванный показать значимость великого князя и ничтожность социального положения его подданных.

Еще один пример того периода: в обращении к великому князю пишущий челобитную использует словосочетание "бью челом". Данная форма, официально признанная и закреплённая в использовании в данном виде документа, не является метафорой, как мы могли бы предположить, а социально признанной формой поведения по отношению к великому князю со стороны простых подданных. При обращении к великому князю простой человек должен был бить челом, опустившись на колени – это культурная реалья, существовавшая в повседневной жизни русичей долгое время и нашедшая четкое закрепление в шаблонном обращении в челобитной. На современном этапе заявления выполняют роль древних челобитных, и никому уже и в голову не приходит писать "бью челом" при обращении к высокопоставленному чиновнику. Как видно из такого простого примера, язык может не только формировать национальные концепты,

но и очень четко схватывать и закреплять существующие в обществе отношения, тонкие отношения между властью держащими и подданными, вырисовывая политические реалии государства.

Следующим интереснейшим этапом в развитии официально-делового стиля русского языка был 18 век, время безудержной европеизации в различных сферах жизни русского государства. Одной из главных задач Петра Великого было развитие России по европейскому пути, что предполагало заимствование огромного количества разнообразных культурных реалий, не свойственных российскому обществу. Изменения были настолько кардинальны и стремительны, что у языка фактически и не было времени создавать свои исконно русские слова, которые можно было бы использовать для наименования тех или иных заимствованных реалий. Например, в сфере лесного хозяйства Петр заимствует систему немецкого управления лесными ресурсами и вводит новую должность: вальдмейстер.

В русском языке, конечно, уже существовало слово лесник, но в своем значении оно не совпадало с немецким словом вальдмейстер, таким образом, на данном этапе развития культуры и русского социума в язык входит совершенно новое слово для обозначения новой культурной реалии. Служба вальдмейстеров существовала в России на протяжении всего правления Петра Великого, потом временно была упразднена и опять введена уже при Екатерине. Слово так и осталось с налетом иноязычности, оно используется только в рамках исторического курса по экологии России, и большинству современных носителей русского языка оно не известно. Можно заключить, что данный концепт был заимствован в определенный исторический этап развития России, так сказать в связи с насущной необходимостью, но поскольку сама служба впоследствии претерпела большие изменения, и сама система немецкого лесного хозяйства оказалась для России непригодной, то и слово, в конечном итоге, вышло из употребления.

Петровская европеизация России нашла свое отражение прежде всего в заимствованиях огромного пласта лексики латинского происхождения, воздействия стиля письменной речи европейских языков на стиль официально-делового русского письма (витиеватость, иноязычные образцы фразообразования и др.). Заимствованные культурные реалии, новые принципы этикета и отношений в обществе, новые административно-государственные структуры и многое другое – всё это требовало закрепления в языке либо с использованием исконно русских средств, либо иноязычных. Если культурная реалия продолжала оставаться актуальной, то иностранное слово постепенно русифицировалось (фонетически или с точки зрения словообразования), если же культурная реалия выходила из моды, то и слово достаточно быстро исчезало из употребления, что показывает значение языка как структурного элемента культуры, в котором в первую очередь и отражались все преобразования общества, все перипетии его развития.

После петровского периода развития российского государства, пожалуй, советский период, как никогда ярко выявил пластичность и адаптивность русского языка к новым историческим условиям. Но если в петровский период рус-

ский язык был нацелен вовне (расширение запаса концептов за счет заимствованных концептов из западно-европейских культур), то в советский период – вся история русского государства пошла по совсем другой траектории, кардинально отличной от западно-европейской, капиталистической стадии развития. Перед Россией стояла задача создания нового типа государства, без опоры на какие-то существующие образцы. Вследствие этого и язык меняет траекторию развития и замыкается на себе, уходит, так сказать, в глубину исконно русских концептов, языковых понятий и принципов.

Прежде всего в официально-деловом стиле языка находят отражения не только политические изменения, смена государственного строя, но и очень сложные социальные сдвиги, происходившие в послереволюционной России. В период после октябрьской революции из официального употребления в документах вышли такие слова, как Сенат, парламент, величайшее повеление, и многие другие. Одновременно было включено в использование: декрет, советы, комиссариат и др. Язык должен был достаточно оперативно определить те языковые средства, которые могли быть использованы для обозначения новых культурных, политических и социальных реалий. Кроме того, русский язык должен был использовать преимущественно собственные языковые резервы. Советский этап развития официально-делового стиля характерен всплеском словообразования новых слов, которые должны были называть новые культурные реалии: колхоз, совхоз, коллективизация и т.д.

Лексические изменения в языке отражали сдвиги в национальной концептосфере, в политической и культурной жизни государства. Социальные изменения проявлялись в изменениях речеобразования. Например, главной особенностью стиля советского делопроизводства являлась его явная ориентация на простоту и доступность изложения мысли. Можно спросить, как структура предложения может отражать социальные изменения в обществе. Дело в том, что в послереволюционной России произошла не только смена политической, но и социальной формации. Целевая аудитория советской власти были не представители аристократии, а пролетариата и крестьянства, которые в большинстве своем были малообразованы или не образованы совсем. Все основные документы советской власти (декреты) должны были быть написаны так, чтобы они могли восприниматься на слух, потому что прочитать их смогли бы немногие в силу объективных причин. Поэтому и стиль официально-делового письма в послереволюционной России был целенаправленно упрощен, приближен к разговорному стилю фразообразования. Так чисто языковая особенность стиля документов отражает всю глубину проходящих социальных изменений в русском государстве, смену социальных классов, разрушение культурной ткани дореволюционной России.

Упрощенный язык большинства документов советской эпохи был неотъемлемым структурным элементом советской культуры, он помогал создавать эту новую культуру и в то же время был ее воплощением. В понятийном пространстве, созданном этим языком, выросло не одно поколение советских граждан.

Концептосфера послереволюционной России была лишена очень многих исконно русских понятий и ценностей. Язык советской эпохи создавал совершенно другой тип социального деятеля со своими уникальными культурными особенностями, свойственными исключительно данному периоду.

Концептосфера, закреплённая и вербализованная в текстах официально-делового стиля, отражает те факты действительности, которые на тот или иной момент были свойственны укладу жизни и мировоззрению данной этнокультурной общности (властные отношения в обществе, положение простого человека в социальной иерархии, структурные и социальные изменения в обществе, смена политических формаций, и др.). Все эти элементы дают нам дополнительную информацию о культуре народа и жизни общества в целом.

Изучение текстов официально-делового стиля, терминов, синтаксических оборотов, помогает нам "уловить" тонкую социальную и культурную ткань жизни общества. Можно переписывать учебники истории, отражая ту или иную точку зрения на происшедшие события, но изменить оригинальные тексты документов не возможно. Именно они и дают нам "слепок с реальности", иногда не очень лицеприятный, но правдивый. Смена старых концептов новыми, функционирование концептов в рамках официально-делового стиля дают возможность по-другому увидеть многие социально-, политико-культурные особенности жизни этноса, начиная от устоявшихся социально норм до кардинальных изменений в жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Костюшкина, Г.М. Концептуализация и категоризация в языке : кол. монография [Текст] / Г.М. Костюшкина [и др.] ; под ред. Г.М. Костюшкиной // Вестник ИГЛУ. Сер. 1, Монографии. – Иркутск, 2006. – № 3. – 580 с.

[2] Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности [Текст] : материалы 1 – У111 Всероссийских конференций / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2007. – 2014; Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности [Текст] : материалы 1X Всероссийской научной конференции / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во МГЛУ ЕАЛИ, 2015.

[3] Костюшкина, Г.М. Роль системообразующего механизма в системных исследованиях языка и речи [Текст] / Г.М. Костюшкина // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 68–74.

[4] Тентимишова, А.К. Концепт и концептосфера в исследованиях ученых-лингвистов [Электронный ресурс] / А.К. Тентимишова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 17. – С. 226–230. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46223.htm> (дата обращения 25.04.2018).

[5] Тентимишова, А.К. Указ. соч.

[6] Музычук, Т.Л. Интонация как объект лингвистического анализа [Текст] / Т.Л. Музычук // Русское слово в мировой культуре. Русский текст и русский дискурс сегодня : материалы X Конгр. Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит. – СПб., 2003. – С. 57–64.

[7] Лихачев, Д.С. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста [Текст] / Д.С. Лихачев. – М. : Academia, 1997. – С. 320.

Информация об авторах

Рыбалко Светлана Александровна – *Phd по массовым коммуникациям, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: sveta.rybalko@mail.com.*

Rybalko Svetlana Alexandrovna – *instructor, Department of Foreign languages, Baikal State University, Phd in Mass Communications, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: sveta.rybalko@mail.com.*